

ТОНИ ПАРСОНС

Stories,

*или Истории,
которые
мы можем
рассказать*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. 1977 – ТЫ, МОЖЕТ, И НЕ АНГЕЛ	5
Часть II. 1977 – АНГЕЛОВ ТАК МАЛО	169
Часть III. 1977 – ЛЮБОВНИКИ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ	293
Заключительная часть. 1977 – ДРУГАЯ ДЕВУШКА, ДРУГАЯ ПЛАНЕТА	385

1

Его остановили на пункте таможенного досмотра в аэропорту. Еще бы! Один только внешний вид Терри наводил на подозрения.

Бледный цвет лица после многих бессонных ночей и бог знает чего еще, купленный в магазине «Оксфам» пиджак*, футболка с логотипом американского клуба «СиБиДжиБи», джинсы «Ливайс» — Терри не стирал их с того самого дня, как купил и залез в них в ванну (его мать тогда кричала, что он сляжет, а отец — что он чертов псих), и ботинки «Доктор Мартенс». А венцом всего были его короткие, иглами торчащие волосы. Терри выкрасил их в черный цвет — и плохо, надо признать, — какой-то краской под названием «Глубокая ночь», которую обнаружил на нижней полке стеллажа в женском отделе магазина «Бутс».

— Задержитесь, сэр.

* Оксфордский комитет помощи голодающим (благотворительная организация с центром в г. Оксфорде; занимается оказанием помощи голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий в различных странах). *(Здесь и далее прим. перев.)*

«Сэр» прозвучало как укол, как язвительная шутка. Разве такого, как Терри, можно было назвать «сэром» на полном серьезе? Двое таможенников. Одному на вид около тридцати. Бачки и интересная стрижка — длинные волосы сзади и заметно короче спереди и по бокам — придавали ему сходство с каким-нибудь футболистом с Кингз-роуд, который изо всех сил старается угнаться за модой. Второй — вообще древний — может быть, даже старше отца Терри, но без свойственного последнему огонька в глазах.

— Далеко ездили, сэр? — поинтересовался старикашка, встав по стойке «смирно».

За плечами — долгие годы в униформе.

— В Берлин.

Тот, что помоложе, — обросший, как какой-нибудь персонаж из романа Диккенса, — уже вовсю рылся в дорожной сумке Терри. Он извлек из ее недр футболку с надписью «Боже, храни королеву», серебристый диктофон, запасную упаковку батареек, микрофон и пару трусов.

Как часто говорила мама Терри: никогда не знаешь, когда прижмут.

— В Берлин? Там должно быть просто чудесно в это время года, — воскликнули бачки, а старый солдат захихикал.

Очень остроумно. Бивис и Батхед из Третьего терминала.

Солдафон раскрыл толстый синий паспорт Терри на странице с фотографией и как следует взгляделся. Бледный черноволосый юноша, стоящий перед ним, имел мало общего с физиономией на снимке. Это был снимок из прошлого Терри — прошлого, в котором

Stories, или Истории, которые мы можем рассказать

он был счастливым обладателем волос мышиного цвета и мешковатой одежды, жил дома с мамой и папой, работал на заводе по производству джина и видел сны наяву. Тогда он только и мечтал о другой жизни.

Именно на этом снимке была запечатлена его неудавшаяся стрижка перьями. Терри стремился выглядеть как Род Стюарт, а в итоге стал больше похож на Дэйва Хилла — гитариста из группы «Слэйд». Он даже был слегка загорелым. В тот период Терри еще только собирался начать жить. Когда солдафон захлопнул паспорт, у юноши горели щеки.

Бачки пробирались в самую глубь его сумки, и Терри невольно передернуло. Там лежали вещи, которые для него очень много значили. Вот экземпляр «Газеты» двухнедельной давности. На ее обложке красовался Джо Страммер, напоминающий блистательного и обреченного Лоренса Харви из кинофильма «Путь в высшее общество». Таможенник развернул «Газету» и с полным безразличием пробежал глазами по разделу новостей и заголовкам, которые явно ни о чем ему не говорили.

«Костелло этого года». «Инциденты с “Талкинг хид”». «Распад Бахмана и Тернера». «Мадди Уотерс — снова тверд». «Фэнни разогреет “Ридинг”?»*

Таможенник быстро пролистал «Газету», даже не взглянув на заглавную статью на развороте, автором которой был сам Скип Джонс — величайший музыкальный критик на всем земном шаре, но задержав внимание — будто в этом была фишка! — на разделе объявлений.

* Название лондонского клуба, а также в переводе с англ. — чтение.

— «Шедевры от Грязного Дика — собери коллекцию», — вслух прочитал человек с бакенбардами, искривив лицо в гримасе. — Ну и гадость, иначе не скажешь.

Он отшвырнул «Газету» в сторону и снова полез в сумку. На этот раз он извлек из нее весьма потрепанный экземпляр книги Тома Вулфа «Конфетно-розовая, апельсиново-розовая, обтекаемая малютка», в которой были подчеркнуты целые абзацы. За книгой последовали незаменимые кассеты с записью недавнего интервью с легендарным Дэгом Вудом — единственным человеком, которого со свистом прогнали со сцены в Вудстоке.

С бесценными кассетами обращались так, словно это были какие-нибудь безделушки, которые в рекламных целях раздают при покупке бензина. И Терри захотелось посоветовать этим вырожденкам заняться чем-нибудь действительно полезным. Например, пойти поймать Карлоса Шакала.

Но если я так скажу, мне наверняка придется пройти полную процедуру личного досмотра, подумал Терри, вовремя прикусил язык и напрягся. Интересно, сколько еще будет ждать моя девушка?

— Какова была цель вашей поездки, сэр? — спросил старый солдафон.

— Я журналист.

Десять месяцев работы — а ему все еще доставляло невыразимое удовольствие произносить эти слова. Терри все еще испытывал эйфорию всякий раз, когда видел свое имя в начале статьи, особенно если рядом с именем красовалась фотография размером с почтовую марку. Казалось бы, мелочи, но они служили неоспоримым доказательством: Терри становился тем,

Stories, или Истории, которые мы можем рассказать

кем хотел быть всегда. И теперь его уже не остано-
вишь.

— Журналист? — переспросил таможенник с те-
нью подозрительности в голосе. Будто настоящий
журналист обязан ходить в костюме и галстукe, но-
сить с собой дипломат, быть в преклонном возрасте
или что-нибудь вроде того!

— Ну и о чем же вы пишете?

Терри улыбнулся.

Заканчивался еще один летний день 1977 года, и
что-то особенное чувствовалось повсюду. Это что-то
вitalo в воздухе, обитало в клубах, доносилось из каж-
дого радиоприемника. Все вдруг снова стало хорошо,
как и десять лет назад, в шестидесятые, когда Терри
был еще ребенком, а его родители считали «Битлов»
милыми ребятами.

О чем он писал? Он писал о том, как все меняется.
Все, начиная с причесок и заканчивая штанами, а так-
же то, что в этом промежутке.

О чем он писал?

Да, это хороший вопрос!

Терри вспомнил фразу, которую недавно услышал
от Рэя Дэвиса. Музыкант признался, что готов зары-
дать всякий раз, когда знакомится с чьей-нибудь кол-
лекцией записей. Это ведь так трогательно — видеть
разложенные перед тобой пластинки, такие беззащит-
ные, распростертые и с годами вытесняемые други-
ми. А все потому, что среди поцарапанного винила
и помятых конвертов заключены все надежды и меч-
тания чьей-то личной вселенной — все то, чего хочет,
в чем нуждается и по чему тоскует молодое сердце.

— Я пишу о музыке.

Мисти ждала его на выходе.

Он увидел ее прежде, чем она его. Ему нравилось, когда получалось именно так. Это были одни из самых приятных мгновений в жизни Терри — увидеть ее прежде, чем она увидит его.

Мисти. Милая Мисти с ее золотисто-медовыми волосами и кошачьим личиком. Высокая стройная девушка в простом белом платъице и тяжелых байкерских ботинках.

Девушки стали все чаще сочетать в своем наряде что-то неоспоримо женственное: мини-юбки, колготки в сеточку, высокие каблуки или белые платъица с чем-то откровенно мужским: шипованными ошейниками, грубыми браслетами на запястье или ботинками, — совсем как Мисти. Они словно подчеркивают свою половую принадлежность, подумал Терри, требуя, чтобы вы признались, на что смотрите, и молча спрашивая, что вы собираетесь делать дальше. Это было нечто новенькое.

У Мисти на плече висела сумка с камерой. А на одном из ремешков болталась — нет, не пластмассовая фигурка какого-нибудь божка, участника группы «Фонз» или Хан Соло, как можно было бы ожидать, — а пара наручников, розовых игрушечных наручников из меха норки. Сразу и не скажешь, где они куплены — в магазине игрушек или в секс-шопе.

Мисти с розовыми наручниками из норки. При виде нее Терри вздохнул.

Она была похожа на девушку из романа. О, извините, женщину! Еще одно нововведение — теперь нельзя было говорить «девушка», нужно было всех называть

Stories, или Истории, которые мы можем рассказать

женщинами, даже если они все еще — с формальной точки зрения — являлись девушками. Мисти однажды попыталась объяснить ему почему — это было как-то связано с тем, что она называла «удушающей тиранией мужчин».

Смешно, подумал Терри.

Да, она напоминала пташку — женщину — из романа Томаса Гарди, который читали в школе, как раз в том году, когда Терри отчислили и он пошел работать на завод. «Вдали от безумной толпы». Мисти была похожа на героиню романа — внешне женственная и нежная, но с твердым характером, о чем с виду и не подумаешь. Батшеба* Эвердин. Да, такой была Мисти. Батшеба с парой розовых игрушечных наручников.

Она пока еще не замечала Терри, и при виде пары серьезных глаз, внимательно всматривающихся в толпу, его сердце сжалось. А когда наконец их взгляды встретились, Мисти стала подпрыгивать от радости. Она была рада видеть его после такой долгой разлуки.

Больше недели друг без друга!

Мисти нырнула под табличку с надписью «ВХОД СТРОГО ВОСПРЕЩЕН» и подбежала к Терри. Ее вообще мало заботили подобные ограничения — она шла по миру как человек, имеющий полное право быть где угодно и когда угодно. Женщина из романа, девушка из песни.

— Смотри, Тел!

Вруках она держала последний выпуск «Газеты» — почта недельной давности. Краска отчего-то была еще

* Одна из жен царя Давида, мать царя Соломона.

сырой, кончики ее пальцев — черными, а на первой странице красовался худощавый и мрачный платиновый блондин в тренче. Он позировал у высокой стены, на которой было написано: «Achtung! Sie verlassen jetzt West Berlin»*.

Его статья о Дэге Вуде. Терри написал ее в берлинской гостинице на мешке для грязного белья и продиктовал по телефону.

— И какой он? — спросила Мисти, и Терри рассмеялся. Обычно этот вопрос приводил его в бешенство.

Вы пишете о ком-то статью в три тысячи слов, а затем все начинают приставать к вам с вопросами: «Ну и какой же он?» Какой он, вы поймете из статьи, а если не поймете — значит, статья не удалась. Когда Том Вулф писал о Мухаммеде Али, Филе Спекторе или Хью Хефнере, разве его спрашивали: «Да, Том, но какие они на самом деле?» Возможно. Но сейчас это не имело значения. Потому как сейчас этот вопрос задала она — Мисти.

— Он — великий! Я вас познакомлю сегодня, идет?

А потом в глазах у Мисти появился особенный взгляд, слегка сонный и отстраненный; девушка слегка наклонила голову, и Терри губами прижался к ее губам. Целуя Мисти, он ощущал, как по его крашеным волосам пробегают ее пальчики, а ее камеры через ткань сумки и пиджака прижимаются прямо к сердцу.

Поцелуи с привкусом «Мальборо» и «Джуси фрут». Они целовались на выходе, не замечая ничего — ни смешков, ни взглядов, ни язвительных ком-

* «Внимание! Вы покидаете пределы Западного Берлина» (нем.).

Stories, или Истории, которые мы можем рассказать

ментариев вроде «Посмотри, как эта парочка одета, папа», — и не сомневались, что вкус их поцелуев останется таким навсегда.

Леон Пек сортировал синглы.

Он сидел в маленькой, продолговатой, как коридор, каморке со стереосистемой. В эту комнатенку они приходили слушать новые музыкальные записи. Повсюду валялись новинки недели — сотня или более семидюймовых пластинок на 45 оборотов. Некоторые из них были сделаны из новомодного винила и упакованы в красочные конверты.

В соответствии с установленными правилами Леон должен был выбрать «Сингл недели» и написать о нем восторженный отзыв, а потом отобрать и охарактеризовать в одном лаконичном абзаце еще двадцать-тридцать пластинок, которые не заслуживали ничего, кроме насмешек.

Комментарии «Газеты» всегда отличались какой-то злорадной бесцеремонностью. В предисловии к каждому выпуску читателям обещались «горячие, зажигательные новинки и золотые хиты, а также масса грязной скандальной полемики». Именно этого от Леона и ждали: массы грязной скандальной полемики.

Но сейчас его лучше было не тревожить.

Что-то произошло с Леоном за эти выходные, и теперь ему казалось, что вся эта словесная шелуха — «давайте-ка посмотрим, что у нас здесь такое? — “Плыви” от “Флоатерз”*, или “Полегче” от “Коммодорз”, или “Серебряная леди” от Дэвида “Старски”, Соула —

* Игра слов: название группы «Флоатерз» в переводе с англ. — пловцы.

или все-таки это был «Хатч»? — ниже его достоинства.

Что-то случилось на выходных, что изменило его взгляд на мир. Поэтому Леон вытащил «Серебряную леди» с тупо улыбающимся Старски или Хатчем на конверте — и швырнул ее подальше от себя. Ударившись о стену, семидюймовый кусок винила раскололся на части с убедительным и на удивление громким треском. Леону понравилось.

Так понравилось, что он сделал то же самое с «Плыви». А затем с «Полегче». А затем с «Ты мне нравишься» от группы «Шоуэддиуэдди». И наконец, с особенной злобой Леон метнул в стенку «Фанфары для простого человека» — новую пластинку от трио Эмерсона, Лэйка и Палмера. Вскоре вся комната была усыпана осколками треснувшего винила.

Леон отодвинул кипу пластинок в сторону и со вздохом взял в руки самое последнее издание «Газеты». Как все это никчемно, бездушно и мелко! Разве этим людям неизвестно, что творится в мире?

С первой страницы на него смотрел Дэг Вуд в его излюбленной позе героя-наркомана на фоне Берлинской стены. Леон был рад за Терри — он мог представить, как того распирает от гордости при виде собственной статьи на первой странице, — но да ладно уже! Будто никто до него этого не делал! Делал, и даже лучше! Можно подумать, что Дэг Вуд знает, в чем разница между Карлом Марксом и Гручо!

Терри просто боготворит этих рокеров, подумал Леон. Здесь все такие.

Он зевнул и перелистнул страницу, устало вздохнув при виде музыкальных рейтингов. На вершине

Stories, или Истории, которые мы можем рассказать

чарта красовался бестолковый хит в стиле диско — «Я чувствую любовь» от Донны Саммер, на протяжении всей песни имитирующей оргазм. Лучшим из альбомов был признан «Сборник хитов Джонни Матиса» — музыка в помощь домохозяйкам, переживающим менопаузу.

Леон насмешливо фыркнул и продолжил листать «Газету». Его пальцы, как и его настроение, с каждой секундой становились все чернее.

Запись первого альбома «Итера» во время школьных каникул... новые хиты от «Пайлот», «Джентл джайант» и «Рой Вуд бэнд»... новые альбомы от Рая Кудера, «Бони Эм» и «Модерн лаверз»...

И — наконец-то! — в самом низу одиннадцатой страницы, задвинутые в угол громадной рекламой концерта «Аэросмит» в клубе «Ридинг» и эксклюзивным материалом о распаде «Стили спэн», были напечатаны несколько коротеньких абзацев, которые привлекли внимание Леона и заставили его сердце биться чаще. В строке с фамилией автора стояло его имя.

«В предстоящие выходные Национальный фронт намеревается пройти строем через район чернокожих, скрывая свои расистские взгляды за кампанией против уличных грабежей и бесчисленными британскими флагами. Национальный фронт собирается выступить из Клифтон-Райз, Нью-Кросс. Маршрут и время марша остаются неизвестными.

Участники мирной демонстрации в знак протеста против Национального фронта, которую запланировали участники движения «Левишэмская кампания по борьбе с расизмом и фашизмом», соберутся

Тони Парсонс

в Лэдиуэлл-Филдз, близ железнодорожной станции Лэдиуэлл, в 11 часов утра.

Прими участие или останься обывателем!»

Издание появилось во всех газетных киосках страны в прошлый четверг, а в Лондоне уже в среду. Леону казалось, что с тех пор прошла целая вечность. А все потому, что в субботу участники марша и демонстранты столкнулись и устроили в городе настоящие беспорядки — такого в Лондоне не случалось со времен войны. И Леон Пек там был.

Я там был, подумал он, прикоснувшись к ссадине на щеке — куда пришелся удар коленом одного из офицеров конной полиции. Я видел, как все было. Пока многие его ровесники мечтали попасть на концерт группы «Аэросмит» в «Ридинге», Леон находился в эпицентре столкновения в районе Левишэм. Полицейские на лошадях теснили протестующих, и ему казалось, что наступил конец света.

Развевались флаги, летели кирпичи, лошади давили толпу, ряды демонстрантов отступали и прибывали — крики, истинный хаос повсюду. Гранаты с оранжевым дымом на Главной улице Левишэма, камни, бутылки, баки для мусора; вопли и крики людей. Звук разбивающихся вдребезги витринных стекол.

Но ярче всего Леон помнил свои физические ощущения. Он прочувствовал происходящее до глубины души, до мозга костей. Он помнил, как его ноги стали ватными от ужаса, когда в воздухе засвистели пули и полиция направила лошадей в толпу; как билось его сердце при виде искаженных ненавистью лиц расистов. Леон помнил, какую ярость испытывал по от-